

ШАВА 1

Рябая от дождя стеклянная стена аэропорта не позволяла рассмотреть, что происходит на улице. Он щурился, часто моргал, но так и не мог рассмотреть и сосчитать, сколько самолетов готовят сейчас к посадке. Ничего кроме размытых силуэтов стальных птиц и проблесковых огней, ломаными линиями тянущихся за спецтехникой.

Может, это не дождь виноват, а алкоголь? Он пьет уже второй час, не вставая с места, и ему все это время кажется, что алкоголь на него не действует. Не подавляет гнев, не возбуждает желание встать, поднять с пола ручную кладь и пойти уже, да — пойти к выходу с двузначным номером, где очередь становилась все жиже.

Он скосил взгляд на кожаную сумку, брошенную им у ножек соседнего стула. Дорогая, с ремнями, множеством кармашков на молниях и заклепках. Он сам сделал однажды подарок, путешествуя по Испании. Просто решил себя побаловать, раз больше некому. Выбрал, купил и сразу сложил в нее все свои вещи, а их в путешествиях было всегда мало. Прямо как сейчас. Смена белья, шорты, футболка, резиновые тапки. Сумочка с бритвенными принадлежностями,

зубная щетка, паста, мыло, дезодорант и туалетная вода. Все это легко помещалось в его сумке. И даже оставалось еще свободное место, чтобы положить туда виски в бутылке из-под кока-колы.

Он не был алкоголиком, нет. Просто очень боялся летать на трезвую голову. Предпочитал тревожное забытие нервному созерцанию плотной облачности через иллюминатор. И немного даже завидовал тем, кто в полете не отрывал восторженного взгляда от красоты небес. И вообще всегда старался найти альтернативный путь передвижения.

Всегда, но не сегодня. Сегодня к вечеру он должен оказаться в городе, в котором вот-вот родится его ребенок. Он обещал, что прилетит. Он обещал ей. И самому себе. Ребенок был ни при чем. Он не отвечал за их глупости.

Да, ребенок не нес ответственности за их скоропалительный курортный роман. За слезное расставание и кучу обещаний. За трезвые мысли, набросившиеся на мозг голодными псами по возвращении. За каторжную работу, не оставлявшую времени на долгие ночные разговоры о будущем. Он входил в квартиру, не всегда успевая разуться, падал на диван и засыпал мгновенно, как умирал. Уже утром принимал душ, чистил зубы, готовил себе завтрак. И уже утром сожалел, что ночью так и не смог поговорить с ней долго и проникновенно.

Самое скверное заключалось в том, что в этих разговорах не было ничего такого. Она не давила, не требовала, ничего не хотела от него. Просто слушала его голос и просила рассказать еще что-нибудь интересное. Доходило даже до стихов, которые он вспоми-

• *Конец игры с продолжением* •

нал с большим трудом. И странно: когда он видел, что она звонит, то раздражался. А, поговорив с ней, ловил себя на мысли, что испытывает ощущение легкости и удивительного спокойствия. Словно ледяной воды напился в жаркий полдень.

Так продолжалось до недавнего времени. Точнее, до того момента, как она призналась, что примерно через три недели у нее родится ребенок. Его ребенок! И он должен, непременно должен прилететь, чтобы поддержать ее, чтобы быть рядом.

В первую минуту он опешил так, что буквально потерял способность говорить. Потом перепугался. А следом разозлился с такой силой, что принялся ее допрашивать.

— Почему ты говоришь мне об этом именно теперь?

— Так получилось... — не ответила, а шепнула она.

— Так получилось? Как — так получилось? Ты только сейчас узнала, что я отец твоего ребенка?

— Нет.

— Что — нет?!

У него темнело в глазах от праведного гнева и первобытного страха перед неизбежным. Он не готов! Он не хочет! Он не просил, черт побери!

— Я всегда знала, что ты его отец, — кажется, она всхлипнула. — Без вариантов.

— Почему молчала?

— Обстоятельства...

— Какие обстоятельства могли заставить тебя молчать, Ирина?! — взревел он на беременную женщину, готовую вот-вот родить.

Идиот! Конечно, это было неправильно — так орать.

— Обстоятельства заставили меня заговорить, Егор.

— В смысле?

Он как раз стоял со стаканом в руке перед раковиной в кухне. Хотел воды попить. Он мог позволить себе пить воду из-под крана: фильтр установил высшей категории еще в прошлом году. Как раз перед отпуском, перед знакомством с ней.

— В каком смысле — обстоятельства заставили тебя заговорить? — Он вдруг понял, что наливает воду из горячего крана, взбесился и швырнул стакан в раковину. — Объяснись, Ирина!

— Я тебе все расскажу, когда прилетишь, Егор. По телефону не могу...

— Это одна из форм манипуляций, — объяснил ему психолог в отделе. — Держать тебя в состоянии ожидания, неизвестности. Она просто манипулирует тобой, не более...

Он решил не поддаваться ни на какие уговоры и на очередной ее звонок не ответил. Потом все же не выдержал и перезвонил сам. Трубку взял кто-то посторонний.

— Добрый день. Мне нужна Ирина.

Он закатил глаза, представив агрессивно настроенную мамашу. Дочь отошла куда-то, и та, пользуясь моментом...

— Ирина на процедурах, — ответила незнакомая женщина.

— На каких процедурах?

В памяти всплыл рекламный ролик для будущих родителей, в котором они делали совместные гим-

• *Конец игры с продолжением* •

настические упражнения для постановки дыхания и чего-то там еще.

Ключевое слово — совместные. Ирина там была одна. Или нет? Все же нашелся еще один отец, который поближе и поговорчивее?

— Ей ставят уколы, — прервала молчание женщина.

— Уколы? Какие уколы? — встряхнулся он.

— Те, что прописал ее лечащий врач.

— Ирина больна?

— Ирина три последних месяца лежит на сохранении, молодой человек. И сейчас находится здесь же, в больнице. Ждет дня родов, чтобы чего-нибудь не произошло, — кажется, женщина начала терять терпение, объясняясь с ним по чужому телефону.

— А вы ей кто? — задал он резонный вопрос.

— А я ей соседка по палате, уже две недели. И вы Егор, правильно?

— Так точно.

— Так вот, Егор, она сама никогда вам не скажет. А я скажу...

Тут послышались какие-то посторонние голоса. Видимо, в палату кто-то вошел и принялся говорить ей что-то строго и властно. Врач, понял Егор. После того как хлопнула дверь, стало тихо.

— Вы еще здесь? — окликнула его женщина.

— Да.

— Так вот, Егор, на самом деле с Ириной не все хорошо. Ей запретили рожать категорически. А она... — последовала пауза, в течение которой женщина трижды охнула и один раз протяжно за-

стонала. — Простите, но, кажется, у меня начинается... Я буду вызывать персонал. А вы... будьте к Ирине внимательнее. У нее никого, кроме вас, нет. Поддержите ее...

Связь оборвалась, а он глубоко задумался. И думал достаточно долго. Почти две недели. Потом все же позвонил, извинился и спросил, что стало с ее матерью, которая — он точно знал — у нее была.

— Она умерла. Недавно. Сердце, — ответила женщина, которую он не очень уж всерьез воспринял на отдыхе и которая вот-вот должна была подарить ему наследника. Или наследницу. Он так и не уточнил.

— Что с тобой? Как твоё здоровье? Твоя соседка по палате тут наговорила мне всего.

— Я знаю. Она призналась мне.

— Что за проблемы? Почему ты вынуждена лежать в больнице три месяца? И почему тебе не разрешали рожать?

Черт, эти вещи он должен был о ней знать! Они же так подолгу говорили. Он даже стихи ей читал.

— У меня тоже больное сердце, как и у мамы. Это наследственное. И я... Я могу умереть прямо во время родов, Егор, — она легонько всхлипнула. — И тогда наш ребенок, наша девочка, останется совсем одна. Ее отдадут в дом малютки. Я не могу даже думать об этом без слез. Ты приедешь?

— Да, — ответил он твердо.

— Я сообщу тебе. Они будут делать операцию, чтобы не подвергать нас обеих опасности. Я сообщу тебе, когда это будет...

• *Конец игры с продолжением* •

Он посмотрел на зареванную стену аэропорта. Сумасшедший дождь залил всю взлетную полосу, и пару рейсов уже отменили. А ему надо вылетать уже очень скоро. В очереди на посадку осталось всего три человека. Нельзя, чтобы и его рейс отменили. Сегодня вечером он станет отцом маленькой девочки. И он должен быть там.

Слегка качнувшись, он поднялся. Взял кожаную сумку и пошагал к нужному выходу. До него оставалось метра три, может, меньше, когда телефон зазвонил. Ирина! Это была она!

— Да. Я уже у трапа самолета. Вылетаю, — скороговоркой, не вполне внятной, произнес Егор, делая знак сотруднице аэропорта подождать.

— Это очень хорошо, что вы вылетаете, — проговорил незнакомый мужчина. — Вам нужно быть здесь в течение пяти дней, чтобы определиться с судьбой вашего ребенка.

— Это мы будем решать с ее матерью, не с вами, — неожиданно протрезвел он от неожиданного заявления.

Внутри все сжалось, подкатила тошнота. Не от выпитого — нет. От противных слов противного незнакомо-го мужика.

— Сожалею, но Ирина Владимировна уже не сможет больше ничего решить. Она умерла два часа назад на операционном столе. А девочка родилась, и она здорова. К счастью, она унаследовала ваше здоровье, а не матери. Сожалею... — Мужчина из Иринино-го телефона помолчал и спросил: — Так вы прилетите? Вас ждать?

— Да. Прилечу.

Он оглянулся на столик, который занимал только что. На нем еще стоял бокал с виски. Недопитый им бокал. И его никто не спешил убрать.

— Я прилечу. — Он повернул обратно, добавив: — Но не сегодня...

ШАБА 2

— Вы должны меня понять! — с обидой и слезами воскликнул мужчина, сидевший перед капитаном Артамошиным.

— Я вас понимаю, — сдержанно ответил тот и даже кивнул для пущей убедительности. — И еще как!

— У вас тоже погибла семья в авиакатастрофе?! — Мужчина вытаращил на него выпцветшие от слез глаза. — Простите, не знал.

— Простите, но вы меня неправильно поняли. — Артамошин потер ладонями лицо, чтобы раздраженный взгляд не просочился, не оскорбил убитого горем человека. — На самом деле у меня нет семьи. Я никогда не был женат. Просто я могу представить, каково вам. Вы испытали шок. И...

— Шок?! Вы это называете шоком?! — Мужчина посмотрел на него как на дефективного, — с жалостью и скорбью. — Не дай вам бог испытать то, что испытал я! Что испытали все родственники пассажиров рейса, который...

Он громко всхлипнул, достал из затертого кармана льняных штанов большой носовой платок, закрыл им лицо и заплакал.

• *Конец игры с продолжением* •

Артамошин терпеливо ждал. Он вынужден был терпеть, потому что глубоко сочувствовал им всем. Он не имел права вести себя как-то иначе из чисто человеческих соображений. И еще у него был приказ — проявлять лояльность. Ему даже для этих целей выделили отдельный кабинет, и уже почти год он общался с родственниками.

С каждым днем желающих найти виновных становилось все меньше. Они переставали приходить. Отчаялись. Смирились. Согласились с заключением экспертной комиссии: крушение лайнера произошло из-за технических неполадок.

— Взрыва на борту не было, Иван Семенович, — проговорил Артамошин, когда огромный платок был скомкан и убран в карман мужчины. — Никакого вмешательства извне! Сбой в работе системы. Несчастный случай. Никакого злого умысла.

— Да, да, да... Мне уже говорили. Да, да, да... — он часто закивал. — Но за это тоже кто-то должен понести наказание!

— Абсолютно с вами согласен. Комиссия специалистов разбирается в причинах неполадок, приведших к катастрофе. Как только ими будет сделано окончательное заключение, дело передадут в соответствующие инстанции. Состоится следствие. Виновные будут наказаны.

— Да, да, да...

Пробормотав это, он замолчал. Посидел минуту, не двигаясь, потом вздрогнул и глянул на Артамошина так, будто только что прозрел.

— Я понял! Я понял, к чему вы ведете! — Он замотал указательным пальцем у себя перед носом. —

Вы сейчас пытаетесь оградить своего коллегу от подозрений, усыпить мою бдительность, свалить все на безмолвное железо. А он... Он останется незапятнанным. Понятно: честь мундира. Вы с ним на одном поле и все такое... Но я докажу, что это он! Докажу! Чего бы мне это ни стоило. Ему не удастся уйти от правосудия. Я достану его. Я всю свою жизнь положу на то, чтобы достать его. Знаете почему?

Артамошин послушно спросил:

— Почему?

— Потому что жизни у меня больше нет...

Он ушел, осторожно закрыв за собой дверь. В первые дни он громко ею хлопал и открывал пинком. Ему это прощалось.

Минут пять Артамошин сидел, прикрыв глаза ладонью. Потом он потянулся к внутреннему телефону и позвонил.

— Это последний на сегодня. Заходи, — произнес он в трубку.

Егор вошел через три минуты, сел на тот же самый стул, на котором только что ежился от внутренней боли Иван Семенович Шныров, и посмотрел на Артамошина.

— По-прежнему считает меня виновным?

— Да. Думает, это ты что-то такое сотворил, подбросил в багаж и не полетел.

— У меня не было багажа.

— Знаю. Я-то знаю! — воскликнул капитан, роняя руки на стол. — Докажи ему попробуй! Где-то высмотрел аналогичные случаи. И теперь выносит мне мозг, выедаёт душу. Он болен, понимаешь! По-настоящему болен.

• *Конец игры с продолжением* •

— Понимаю. Как не понять! — Егор вытянул ноги, скрестил на животе пальцы, качнул головой. — Лучше бы я улетел тогда, а не остался в кафе надираться.

— Идиот, — ворчливо отозвался Артамошин. — А о Машке ты подумал, делая такие вот заявления? Что бы с ней стало теперь? Дом малютки, потом детский дом. Сиротство, и никаких надежд на то, что найдутся какие-то родственники. У Ирины никого не было. У тебя никого нет.

— У Ирины осталась троюродная сестра.

— И что? Она не готова была ее удочерять. Сама тебе призналась.

— Призналась. Но помогает же мне! Не знаю, что бы делал без нее. Все на ней.

— Да, да, она помогает, но за деньги, Егор! Ты нанял ее, как квалифицированную няньку. Платишь хорошо. Вот она и помогает. А за просто так вряд ли бы она стала взваливать на себя такую ответственность. Так что Машка твоя все же счастливая. В один день потерять и мать, и отца — это было бы слишком.

— Расскажи Ивану Семеновичу Шнырову. А также Ольге Витальевне Авдеевой и старикам Власовым. Сколько их еще осталось — непримиримых, уверенных в моей виновности?

— Пожалуй, и все, — почесал в макушке капитан. — Всех остальных мне удалось убедить, ознакомив с предварительным заключением комиссии. А эти стоят намертво: ты террорист.

— Твою мать, а! — печально фыркнул Егор. — Я мать своего ребенка в тот день потерял. Это как? Как ими воспринимается?

— Им уже известно, Егор, что ты не жил с ней.